

Свободн. — 1994. — 21 июня. — с. 15.

Слышишь ли в роще тихое пение, или Ярмарка тщеславия

На X Международном конкурсе им. Чайковского закончился первый тур состязаний пианистов, виолончелистов и скрипачей. В игру вступают птицы певчие

Юлия Бедерова

Прошлый мир — колыбельная. Удивительное и невозможное существование в частных, многое позволяющих отношениях с временем. Определенно, вне статики и стремления. Посреди отвесных стен. Где тишь да гладь, да Божья благодать. Где зыбь устойчива, время уступчиво, и реальная определенность — в благодетельном кем-то данной откупной от определений. Мир-колыбельная тихо покачивался и плыл, ведомый, как положено, огромными китами. Трижды постоянными и парой на замену. А приходящий кит — что приходящий отец. В общем, бесполезный, но очень запоминающийся. Громоздкие светопреставления с осторожным впусканием отблесков окружающего мира в этот, приватно-колыбельный, — китообразно поддерживали, отмеряя срок. Вспышка — и ответ на всю жизнь. Повтор — и, кажется, летим, одновременно чувствуя опору. Громоздились китами Фестиваль молодежи и студентов, Олимпиада, разные Игры доброй и прочей сильной воли, Nouvelle de Moskou (всегда по-французски, ведь фигуристы — народ изящный), для просвещенных — Московский кинофестиваль. На том стояли, на том и теперь стоим. И Чайник (уменьшительно-ласкательное от светопреставления имени Чайковского) — теплая краска прошлого — согрет настоящее и будущее. Он, как прежде, любим и посещаем. И, как прежде — самое стабильное, светлое и воодушевляющее явление из всех функционально подобных.

Сильные страсти, умные расчеты и редкая в размытой обыденности возможность поболеть за фаворитов влекут непреодолимо. И только здесь и сейчас — наконец-то! — искусство выполняет свое предназначение: облагораживает. И оказываясь в состязательном контексте, вновь обретает неуловимо пропадающий без этого смысл. В лучшие дни прошедшего сезона Большой зал заполнялся максимум на две трети, но теперь некогда безлюдный первый тур пианистов блистал постоянными

аншлагами. Публика, ликуя, делится на команды болельщиков: за Луганского (претендент на первую премию), за виртуоза Руденко, за юного Гиндина, взрослого Казалья (на Чайнике в третий раз), Каменца (во второй). Понятие «наши» распространяется на иностранных, но родных. По легендам — когда-то засуженных. Тотализатор здесь был бы более чем уместен. А еще — это вечное ненасытное ожидание Клиберна (это потом он станет Клайберном, а символ зовут именно так, и не иначе). Мечта, легенда, ожидание чуда, и улетай на крыльях ветра. Лети, лесной олень, по моему хотенью, умчи меня, олень, в свою страну оленью. В 58-й. В год рождения Чайника. В мир искусства, исполненного смысла всегда. В мир китов, приносящих определенность. Тогда.

Но богатство содержания происходящего имеет значение для тех, кто не выходит на сцену. Изнутри же — спорт и изощренные требования. Бег с препятствиями на скорость, технику, артистизм, точность попадания в стилистическую мишень, на гладкость скольжения и самый хитроумный эндшпиль. Скоростное преодоление этюдов и капризов с попыткой выразительности. Еще тяжелее преодоление обязательного Чайковского при полной, кажется, атрофии той части души, которой сие писалось и воспринималось. (Загадка: почему камерная музыка русского гения лучше выходит — если преодолен дальневосточный акцент — у азиатских музыкантов, коих великое множество?) И внешне и внутренне — спортивный празд-

ник с разноцветными, свернувшимися от ветра флажками. Из области искусства — потрясающе стильный голос вечной ведущей концертов в БЗК Анны Чеховой, которая теперь не выходит на сцену, а говорит из радиорубки. Чуть-чуть метафизики, стильность и флер. И все получается ужасно концептуально.

Самое невероятное во всей этой истории то, что монструозный и радостный идейно-спортивно-художественный праздник не канул вместе с контекстом. Он выстоял, и да будет свет. Здесь следует глубоко вздохнуть, потому что где найдешь, там и потеряешь. И контекст и подтекст настоящего стремятся к одномерности, выражаемой словом «арт-бизнес». Теперь наш Чайник не самый кипящий в мире, но лишь одна из многих ярмарок чудес. Былой престиж и уровень участников пытались поднять допуском исключительно лауреатов других ярмарок. Но если раньше после двух фальшивых нот скрипача звенел колокольчик (дескать, просим не задерживать), сейчас без фальши обошлись двое-трое. Среди них американка Дженифер Ко, поразившая на молодежном Чайковском, а ныне претендующая на победу и любовь. (Такой любовью была согрета на позапрошлом конкурсе очаровательная австралийка Джейн Питерс. Теперь она — член жюри, в котором также только лауреаты. Но уже именно Чайковского.)

Объявляя результаты первого тура, председатель жюри пианистов Лев Влащенко молвил: «Никто лучше нас не может

судить молодых музыкантов». А потому не судим. Просто: участники первого круга соревнований Открытого чемпионата имени Петра Ильича Чайковского показали следующие результаты (скорость исполнения технической программы). См. таблицу.

Паганини. 24-й каприс	Скрябин. Этюд оп. 8 № 12	Рахманинов. Этюд-картина оп. 39 № 5
Кани — 4'20"	Зон У — 1'50"	Луганский — 4'10"
Лянь — 4'25"	Штаркман — 2'01"	Каменц — 4'10"
Ли — 4'26"	Гро — 2'04"	Гиндин — 4'40"
Гречишников — 4'28"	Казаль — 2'05"	Чернов — 4'43"
Ко — 4'40"	Руденко — 2'20"	Казаль — 4'44"
Кожухарь — 4'45"	Аримори — 2'40"	Руденко — 4'46"
Броневская — 4'47"		Ахуви — 4'49"
Шахматова — 4'50"		Струков — 4'59"
Фалк — 4'57"		Комама — 5'01"
Чеботарева — 4'58"		Ли Ен Гун — 5'20"